

Митрополит Иларион: Чернобыльская трагедия свидетельствует о том самопожертвовании, которое всегда было свойственно армии

21 июня 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал генерал-майор, руководитель операции по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС Николай Тараканов.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о взаимодействии Церкви и армии. У меня в гостях – генерал-майор, руководитель операции по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС Николай Дмитриевич Тараканов. Здравствуйте, Николай Дмитриевич!

Н. Тараканов: Здравствуйте, Ваше Высокопреосвященство! Сегодня радостный для меня день: в РИА-Новости прошло мероприятие, посвященное Крыму, презентация книги «Президент Путин в новой версии». А ранее, 25 апреля, прошла встреча, посвященная 28-й годовщине Чернобыльской катастрофы, в которой я тоже принимал участие.

Я родился в большой христианской семье. Моя мама – Наталья Тараканова – родила пятерых мальчиков и двух девочек, прожила 91 год. Тема армии для меня является священной – я отдал военной службе 35 лет, из них – 3 месяца пробыл в Чернобыле, 6 месяцев, уже находясь в состоянии лучевой болезни, – в Армении. Вся свою сознательную жизнь: в школе, в институте, в академии, в адъюнктуре – я всегда помнил свою мать, верил и по сей день верю в Бога. У меня дома целый иконостас – 15 икон, двум из которых, подаренным мамой, по 300 лет. Это образы Христа и Николая Угодника. Я каждое утро обращаюсь к ним с молитвой.

Митрополит Иларион: Я очень рад, что Вы приняли приглашение побеседовать о взаимодействии Церкви и армии. Вы, действительно, очень заслуженный человек: ведь Вы не только отдали 35 лет армии, но и рисковали своей жизнью, когда руководили операцией по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Все мы помним эту катастрофу, помним, каким горем она отозвалась для очень многих людей. Не так давно я был в Чернобыле, сопровождая Святейшего Патриарха. Даже сейчас посещение этого места сопряжено с очень глубокими эмоциональными переживаниями. Можно только представить, что происходило тогда, когда никто еще полностью не осознавал масштаба произошедшей трагедии.

Если говорить о взаимодействии Церкви и армии, то мне эта тема тоже близка, хотя я армии отдал только два года своей жизни и моя грудь не украшена орденами, если не считать знака «Отличник погранвойск», которого я удостоился за службу на границе. В те годы, когда я служил, а тем более, в предшествовавший период, когда Вы начали нести свою службу в армии, открытого взаимодействия между Церковью и армией не было. Помню, как находясь в пограничном училище, я представлял себе, как мне казалось, совершенно фантастическую картину – священника в рясе, который бы вдруг оказался среди этих людей в военных мундирах. Такая ситуация казалась мне абсолютно нереальной, но, в конце концов, это произошло. Сейчас на том плацу, где мы маршировали, даже стоит храм.

Н. Тараканов: Я вспоминаю свою службу в советское время. На офицеров и генералов тогда уже не было серьезного давления относительно веры в Бога. Вообще, я убежден, что мы потеряли великую державу из-за того, что отвернулись от Бога: руководители государства лишили человека той поддержки, которая ему просто необходима. Когда я встречался с покойным Патриархом Алексием II, я подошел к нему в военной форме и сказал: «У меня лучевая болезнь. Я получил двести бэр на Чернобыле. И я не знаю, кто мне больше помог – медицина, Бог, моя мама или мое окружение». Он прижал меня к себе и сказал: «Сынок, тебе все помогали. Ты добрый человек».

Каждый раз, вспоминая Чернобыльскую трагедию, испытываешь бурю эмоций. Во-первых, станцию взорвали операторы, которые не разбирались в самом элементарном. Я читал лекции в Америке, встречался с операторами атомных станций, рассказывал о причинах и следствиях, о ликвидации нашей катастрофы. Уму непостижимо, чтобы на действующей атомной станции – говорю это Вам и телезрителям как доктор наук – затеяли экспериментальные исследования. Когда я рассказал об этом на одной АЭС в Калифорнии, мне сказали: это безумие, это преступление. Я так и считаю, что это было преступление, но неумышленное. Поэтому, когда Патриарх Кирилл говорил в Чернобыле, что, возможно, катастрофа – это наказание от Бога, я с ним согласен. Но огромную роль сыграл там именно человеческий фактор.

На каждой атомной станции, под каждым блоком находится мощный дизельный генератор. Если наступает чрезвычайная ситуация – война или стихийное бедствие, – то станцию надо останавливать, надо ее охлаждать. Тело реактора требует большого количества воды, которую надо подавать и охлаждать. В чем была суть эксперимента? Например, завтра начинается война. Дается команда: остановить все атомные станции. Чтобы запустить дизель-генератор, надо его минуты 2-3 прогреть, и только тогда он сможет дать энергию на охлаждение реактора. И этим людям пришла в голову идея: когда турбогенератор останавливается, он работает в режиме выбега, то есть вырабатывает энергию – а значит, можно снять эту дополнительную энергию и обратить на собственные нужды. Идея сама по себе неплохая, но недопустимо проводить такие эксперименты на действующей станции. А они это сделали. Не хочу утруждать Вас и телезрителей

детальями. У меня было много передач на эту тему, написаны книги. Но экспериментаторы взорвали АЭС своими руками. Комиссия, которая расследовала аварию, признала: во всем были виноваты те, кто проводил эксперимент, который не был согласован ни с академиком Александровым, ни с Курчатовским институтом. Мы подсчитали – мощность взрыва примерно соответствовала 400 бомбам, сброшенным на Хиросиму и Нагасаки. Такой мощности был взрыв. Поэтому все было разрушено, было выброшено наружу ядерное топливо.

А ликвидировать последствия катастрофы были посланы простые солдаты. Я Владимиру Владимировичу Путину не раз говорил как его доверенное лицо, что эти солдаты, которые пошли в самое пекло, – настоящие герои. Мы в течение месяца обследовали все вокруг – на Украине, в Белоруссии, в Смоленске, даже в Кировской области. Даже в Бразилии на нас подавали в суд за то, что чернобыльская радиация дошла до них. Установив уровень радиации, начали призывать солдат. Вы не поверите: за пять лет было призвано из запаса 500 тысяч человек в возрасте 25-30-35 лет. Это больше, чем наполеоновская армия. Сегодня 50 тысяч из них – инвалиды. Число жертв среди солдат я не называю. Среди них были и те, кого не удалось пролечить как надо. Я в течение нескольких ночей был прикован к больничной койке. У меня одна капельница стоила 300 рублей. Это был в то время генеральский оклад. Кто на солдат такие деньги даст?

Вокруг станции сняли 300 тысяч кубометров земли. Вывезли в 10 могильников и захоронили. Место, с которого сняли землю, засыпали щебенкой, залили пластически бетоном, покрыли плитами, и только после этого мы смогли зайти в помещение станции и заняться ликвидацией последствий внутри. Строили саркофаг, а на крышах лежало ядерное топливо, выброшенное взрывом. Заказали роботы из Германии, Италии, были и наши, отечественные, но ни один робот не сработал. Тогда государственная комиссия подписывает постановление № 106, и меня назначают руководителем этой операции. Я сказал: согласен, хотя уже три месяца прошло, и у меня был перебор радиации. Отбирали солдат-добровольцев – пять тысяч человек. Три с половиной тысячи солдат выходили на крышу на 2-3 минуты, снимали ядерное топливо и сбрасывали его в развал 4-го блока. Об этом сняты документальные фильмы.

Митрополит Иларион: Ваш рассказ об этой трагедии, которая затронула и Россию, и Белоруссию, и Украину, и даже страны дальнего зарубежья, напоминает нам об огромной ответственности государственного руководства за запасы ядерной энергии, за ядерное оружие, за атомные электростанции и об ответственности тех людей, которые работают на таких объектах. Чернобыльская трагедия еще раз свидетельствует о том героизме и самопожертвовании, которые всегда были свойственны армии. Люди, конечно, не знали, что их ожидает. Многие шли на смерть, не зная, что умрут. Но ведь так и на войне: когда человек идет в бой, он надеется, что останется в живых. Но при этом он готов отдать свою жизнь, свое здоровье ради ближнего.

Возникает вопрос: что же нужно воинам для того, чтобы всегда сохранять свой моральный дух? Конечно, не только патриотическое воспитание, не только работа по поднятию морального духа, которая, например, проводилась в советское время. Прежде всего, им нужно, чтобы постоянно подпитывалась та связь с Богом, которая и придает человеку силы. Вот для чего нужны священники в армии. Вот почему и покойный Святейший Патриарх Алексий II очень на этом настаивал, и Святейший Патриарх Кирилл прилагает особые усилия для того, чтобы наша армия была укомплектована священнослужителями. Важно отметить, что сегодня в наших вооруженных силах трудятся не только православные священники. Есть и мусульманское духовенство, и представители других традиционных конфессий России. Это важно для того, чтобы наши военнослужащие всегда чувствовали духовную поддержку.

Вы спрашивали, кто Вам помогал: Бог, люди или Ваша мама? Конечно, Вам помогал Бог, но действует Он через людей. И подобно тому, как Бог помогает лечить наши болезни через врачей, которых Он нам посылает, точно так же наши духовные болезни Бог лечит через духовных врачей – священников. Я вспоминаю, как в начале 90-х годов, когда у священнослужителей только-только появилась возможность посещать воинские части, я часто встречался с офицерами и солдатами. В те годы было еще не так много крещеных людей, и меня поразило, что когда я беседовал с солдатами, они рассказывали мне о своем духовном, религиозном опыте. Я понимал, что у каждого из них этот опыт есть, что каждый из них тянется к Богу и что священник очень многое может для них сделать. Бывали случаи, что в армейских частях совершались самоубийства. Я приходил, беседовал с солдатами, и мне кажется, это вносило какой-то мир, какое-то успокоение в их души.

Я хотел бы поблагодарить Вас, Николай Дмитриевич, за то, что Вы были гостем нашей передачи, пожелать Вам доброго здоровья, успехов в Вашей общественной деятельности. Хочу особенно пожелать, чтобы никогда больше наша страна и весь мир не видели таких катастроф, как Чернобыльская.

Служба коммуникации ОВЦС